

К ПРОБЛЕМЕ ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ СЛОВЕСНОГО ЗНАКА

Тамара И. Доценко

Пермский государственный педагогический университет, Россия

The paper deals with the problem of the verbal sign as mental structure. The correlation between graphic and sound representations, percept and meaning is in the focus of attention.

Взгляды Ф. де Соссюра на язык как систему двусторонних знаков довольно жестко предопределили дальнейший путь развития лингвистики. Однако на протяжении всего XX в. наряду со структурным подходом формировался и функциональный взгляд на язык. Функционализм противопоставил автономности и абстрактности языка как знаковой системы понимание языка как функционирующей системы. Этот принцип, восходящий к идеям И.А. Бодуэна де Куртенэ, был сформулирован в «Тезисах пражского лингвистического кружка» в следующем виде: «Являясь продуктом человеческой деятельности, язык вместе с последней обладает целевой направленностью. Анализ речевой деятельности как средства общения показывает, что самой обычной целью говорящего, которая обнаруживается с наибольшей четкостью, является выражение. Поэтому к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая определенной цели» (Кондрашов 1967: 17). Из данного постулата следует, что изучение языка как знаковой системы должно быть направлено на выявление взаимодействий между языковым знаком и его внешним окружением, представленным в виде коммуникативно-речевой ситуации. Такая точка зрения впервые была представлена К. Бюлером, который рассматривал языковой знак как инструмент, посредством которого «один сообщает другому нечто о вещи» (Бюлер 1993: 30). Вся сложная конфигурация коммуникации определяется К. Бюлером через одновременное двойное взаимодействие языкового знака с говорящим и слушающим, а также с объектом (референтом), о котором идет речь (Бюлер 1993: 32). В дальнейшем этот подход был представлен А.Ж. Греймасом и Ж. Курте. Они пишут: «Если принять во внимание существование двух макросемиотик — «мира слов», данного в форме естественных языков, и «мира природы», источника неязыковых семиотик, — то семиотический процесс следует понимать как все многообразие способов дискурсивных практик, включая языковую практику (способы словесного поведения) и практику неязыковую (значимое поведение, манифестирующееся в доступных чувственному восприятию формах, — жесты и т.п.)» (Греймас и др. 1983: 488).

В экологической модели зрительного восприятия (Гибсон 1968), любая ситуация, представляя собой некоторый естественный пространственно-временной промежуток, содержит совокупность инвариантных признаков, благодаря которым человек определяет свое место в ней и «открывается» внешнему миру, воспринимая его (Ср. Gadamer 1976: 9). Ориентируясь во внешнем пространстве коммуникативной ситуации, человек как субъект восприятия определяет те значимые физические точки, которые будут нести для него необходимую информацию. В естественной ситуации такие точки задаются треугольником ситуативных переменных «говорящий-адресат-конситуация» (Земская 1988: 11).

Информация о ситуативных переменных поступает по визуальному каналу и в сознании воспринимающего субъекта актуализирует модели предшествующих коммуникативных ситуаций (van Dijk, Kintsh 1983). Благодаря знанию о

предшествующих коммуникативных ситуациях он принимает решение о выборе такого речевого действия, с помощью которого можно добиться наибольшего прагматического эффекта. Т.А. ван Дейк отмечает, что коммуниканты «строят... модели коммуникативных ситуаций, участниками которых они являются, порождая и воспринимая речь (или участвуя в речевом сообщении)» (ван Дейк 1989: 70) Речевой сигнал в силу своих прагматических функций (экспрессивной, конативной, фатической, по Р. Якобсону) становится одной из важнейших точек коммуникации.

Взаимосвязь речевого сигнала с объектами (референтами), о которых идет речь, характеризует коммуникативную ситуацию как семиотическую. Процесс семиозиса находит свою реализацию в речемыслительной деятельности человека. При этом стоит сделать специальную оговорку, что речемыслительная деятельность, являясь составляющей коммуникативной деятельности, представляет собой «речевое действие» (Леонтьев 1976: 26). В реальной коммуникации характер речевого действия зависит от занимаемой субъектом речи позиции слушающего или говорящего. Мена этих позиций каждый раз задает новое направление речевому действию по типу челночной процедуры: от речевого сигнала к его референту и, наоборот, от референта к речевому сигналу, что говорит о внутренней непрерывности этого процесса. В лингвистической традиции при исследовании соответствий между формой и содержанием используется два подхода: семасиологический, при котором исследователь, опираясь на опыт слушающего, отталкивается от формы и идет к ее содержанию, и ономасиологический, при котором, с опорой на опыт говорящего, исходной точкой избирается содержание, а конечной — форма его выражения. Если в первом случае исследователь интуитивно опирается на речемыслительные процессы слушающего, то во втором он исходит из позиции говорящего. Учитывая речевую практику наивных носителей языка и исследовательскую практику лингвиста, можно полагать, что понятие языкового знака может строиться на деятельностной, речемыслительной основе (Бочкарева, Доценко 2006).

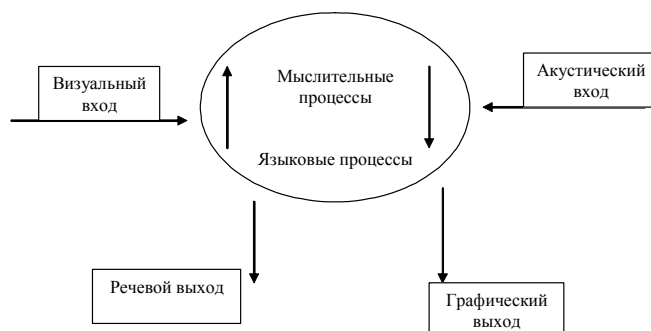
Дадим рабочее определение языковому знаку. Языковой знак — это внутреннее функциональное образование, представляющее собой ментальные репрезентации речевого сигнала и референта, связанные между собой ассоциативной связью в единый узел.

Репрезентациями речевого сигнала могут выступать две разные сенсорные модальности: акустические и (орфо)графические образы. Если акустические образы речевого сигнала формируются и закрепляются в речевой практике непосредственного устного общения, то (орфо)графические формируются сознательно в процессе обучения письму и грамоте и закрепляются в речевой практике письменного опосредованного общения. Внешнее проявление этих процессов можно наблюдать в речевой коммуникации через множественные модификации вербального канала связи: вокально-аудиторного (один говорит, а другой слушает), графическо-визуального (один пишет, а другой читает), вокально-аудио-графического (один говорит, а другой слушает и пишет), вокально-аудио-визуального (один говорит, а другой слушает и читает, например, в ситуации демонстрационного режима) и др.

Способность человека сопоставлять и отождествлять образы разных модальностей позволила М. Гарману предположить, что наш мозг представляет собой «распределительный щит», который может не только обрабатывать визуальную и акустическую информацию, но и «придавать ей необходимую форму» — устную или письменную (Garman 1990). При этом поступившая визуальная информация может быть переработана и представлена в качестве устного сообщения, а поступившая акустическая информация — в качестве письменного (см. рис. 1). Из этого следует, что

в нашем сознании имеется механизм, позволяющий осуществлять манипуляции с сенсорными модальностями.

Рис.1. Соотношение модальностей в сознании индивида (по М. Гарману)

В классических работах Петербургской лингвистической школы, принадлежащих И.А. Бодуэну де Куртенэ, Л.Р. Зиндеру, Л.В. Щербе, было доказано, что между акустическими и графическими репрезентациями существует определенная связь. По мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, «писано-зрительное имеет смысл, осмысливается только в связи с произносительно-слуховым. Из этого вытекает зависимость графем от фонем, а не наоборот» (Бодуэн де Куртенэ 1963: 212). Л.Р. Зиндер отмечал, что для человека ассоциации между сферой «писано-зрительной» и сферой «произносительно-слуховой» становятся неизбежными, потому что «в обычных условиях, когда пишущий или читающий соотносят письменную речь с устной, в акте письма присутствует в явном или скрытном виде полный тип произнесения» (Зиндер 1987: 38). Фонетико-фонологический образ и графический в сознании грамотного носителя языка соотносятся, так как «...написанное приобретает смысл <...> зачастую только тогда, когда оно хотя бы мысленно озвучивается» (Зиндер 1987: 16).

Положения, выдвинутые в начале XX в. И.А. Бодуэном де Куртенэ, почти через столетие были подтверждены результатами, полученными Дж. Атчисоном. Исследуя память человека, он пришел к выводу, что слуховые и вербально-языковые отделы тесно связаны друг с другом: от зрительного образа информация переносится в слуховое и вербально-языковое кратковременное хранилище, а не в зрительное кратковременное хранилище, так как в последнем отсутствует способность к повторению (Aitcheson 1998).

По мнению А.П. Журавлева, наличие связи между фонетическим и графическим образом приводит к тому, что «буква в этой паре как бы стабилизирует восприятие звука, помогает выработать в сознании типический образ звука и закрепляет его с помощью графического изображения. Звук становится для говорящих четко осознанной психической реальностью лишь после знакомства с буквами. До этого времени отдельные знаки, особенно согласные, в речевом потоке не только не осознаются, но и не вычлняются. Звуки, не закрепленные в данном языке графическим изображением, с трудом вычлняются говорящими» (Журавлев 1974: 34).

Типические образы как результаты сопоставления и переработки образов разной сенсорной модальности оставляют долгоживущие и прочные следы в нашей памяти и хранятся в сознании в виде перцептивных эталонов (прототипов),* которые в своей совокупности составляют перцептивную базу языковой способности (Н. Хомский) или языковой компетентности (А.А. Леонтьев) воспринимающего субъекта.

* В статье в силу сложившейся в теории восприятия традиции термин «эталон» используется как синоним термина «прототип».

З.Н. Джапаридзе определяет перцептивную базу как «систему фонетических эталонов и правил сравнения с ними, хранящуюся в памяти индивида» (Джапаридзе 1985: 15). Можно полагать, что правила сравнения с перцептивным эталоном определяются одновременно двумя его функциями. С одной стороны, перцептивный эталон своими функциями направлен на процессы идентификации, или опознание речевого сигнала, а, с другой — одновременно с этапом сличения происходит выдвижение семантической гипотезы и принятие решения о значении речевого сигнала. Из этого следует, что перцептивный эталон представляет собой такой интеракционный механизм, который связывает в единый узел и языковое выражение, и языковое содержание. И.А. Бодуэн де Куртенэ в свое время писал, что «произносительно-слуховые и письменно-зрительные представления живут лишь постольку, поскольку они семасиологизованы и морфологизованы» (Бодуэн де Куртенэ 1963: 327). Отсюда следует, что окончательный облик языкового знака зависит не только от глубины обработки речевого сигнала, но и от той семантической информации, которая принадлежит высшим уровням языка (лексическому, грамматическому и синтаксическому). «Дело в том, — пишет В.Б. Касевич, — что нулевой гипотезой восприятия речи всегда выступает презумпция осмысленности: любое речевое произведение человек сначала пытается интерпретировать как осмысленное, подыскивая для него ту или иную семантическую интерпретацию» (Касевич 1988: 249) (см. рис. 2).

Рис.2. Внутренние связи языкового знака

Будучи парными и опосредованными перцептивным эталоном, разнонаправленные внутрисловные ассоциативные связи характеризуются состоянием неустойчивого равновесия. Изменение меры силы ассоциативных связей в зависимости от конкретных условий приводит к явлению «асимметричного дуализма» языкового знака (С.О. Карцевский).

В онтогенезе внутрисловные связи, опосредованные перцептивным эталоном, восходят к остенсивным определениям. С.Д. Кацнельсон отмечает, что «ребенок, усваивая язык, овладевает конкретными словами в результате многократных “остенсивных определений”. Ему много раз показывают и называют предмет, после чего он начинает самостоятельно пользоваться именем» (Кацнельсон 1972: 137). В дальнейшем способность человека устанавливать ассоциативные связи между планом выражения и планом содержания языкового знака поддерживается его способностью к опережающему семантическому прогнозированию и принятию семантических

решений в зависимости от разнообразных условий, с которыми сталкивается индивид в коммуникативно-речевых ситуациях. Так, в ситуации осмысления незнакомого слова большую активность проявляют ассоциативные связи, направленные на звуковой или графический образы плана выражения; в ситуации освоенного слова, наоборот, активнее оказываются семантические связи.

План содержания языкового знака охватывает чрезвычайно широкую зону внутреннего семантического пространства индивида, в котором интегрируются сферы языка, сознания и культуры. Именно поэтому воспринимающий субъект при принятии семантических решений вместе с языковыми, социально и культурно обусловленными значениями может активировать и личностно связанные смыслы, соотношение которых в структуре означаемого регулируется вероятностными характеристиками языкового знака в ассоциативно-вербальной сети.

Из предложенного анализа следует, что внутренняя структура языкового знака представляет собой функциональное образование и включает в себя два означающих (звуковой и (орфо)графический образы), взаимосвязанные и сопряженные посредством перцептивного эталона с семантическим пространством индивида. Внутренняя система ассоциативных связей, представляющая собой своеобразные информационные каналы, по которым поступает и обрабатывается перцептивная и семантическая информация, обеспечивает одновременно и целостность, и динамизм языкового знака как узла ассоциативно-вербальной сети.

Библиографический список

- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию: Соч. в 2-х т. / И.А. Бодуэн де Куртенэ. М., 1963. Т. 2.
- Бочкарева Е.В. и др.* Соотношение устного и письменного слова в ментальном лексиконе / Е.В. Бочкарева, Т.И. Доценко // Пятая выездная школа-семинар «Порождение и восприятие речи». Череповец, 2006, С. 27-37.
- Бюлер К.* Теория языка / К. Бюлер. М., 1993.
- Гибсон Дж.* Экологический подход к восприятию / Дж. Гибсон. М., 1988.
- Греймас А.Ж. и др.* Семиотика. Объяснительный словарь / А.Ж. Греймас, Ж. Курте // Степанов Ю.С. Семиотика. М., 1983. С. 483-550.
- Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк М., 1989.
- Джапаридзе З.Н.* Перцептивная фонетика / З.Н. Джапаридзе. Тбилиси, 1985.
- Журавлев А.П.* Фонетическое значение / А.П. Журавлев. Л., 1974.
- Земская Е.А.* Городская устная речь и задачи ее изучения / Д.Н. Шмелев, Е.А. Земская // Разновидности городской устной речи. М., 1988. С. 5-44.
- Зиндер Л.Р.* Очерк общей теории письма / Л.Р. Зиндер. Л., 1987.
- Касевич В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология / В.Б. Касевич. М., 1988.
- Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. Л., 1972.
- Кондрашов Н.А.* Тезисы пражского лингвистического кружка / Н.А. Кондрашов // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 17-41.
- Леонтьев А.А.* Речевая деятельность / А.А. Леонтьев // Основы речевой деятельности. М., 1974.
- Aitcheson J.* Words in the mind: An introduction to the mental lexicon / J. Aitcheson. Oxford; New York, 1987.
- Dijk T.A. van etc.* Strategies of Discourse Comprehension / T.A. van Dijk, W. Kintsch. New York, 1983.
- Gadamer H.-G.* Philosophical Hermeneutics / H.-G. Gadamer. Berkeley-Los Angeles, 1976.
- Garman M.* Psycholinguistics / M. Garman. Cambridge etc., 1990.